

49. Ширшиков А. Г. История становления и развития физической культуры и спорта в Приангарье 1923–1941 гг. : дис. ... канд. ист. наук / А. Г. Ширшиков. – Иркутск, 2002. – 179 с.

50. Шохирев В. В. Спортивные организации и массовое физкультурное движение Иркутской области в конце XIX – середине XX в. : дис. ... канд. пед. наук / В. В. Шохирев. – Улан-Удэ, 2006. – 170 с.

51. Азербайев Э. Г. Иркутский спорт в XX в.: Литературно-документальная летопись / Э. Г. Азербайев. – Иркутск : Облмашинформ, 2003. – 511 с.

Tennis as Socio Political and Cultural Phenomenon in XX-XXI

S. V. Nechaev

Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. The paper reviews Russian and foreign researches on tennis genesis and components, its place and role in the world and Russian history. The author analyses the way the issues of Siberian regional tennis are studied. On the basis of wide scope of researches and their structure the author makes actual the question about the study of tennis organizing and its introduction into world, Russian and Siberian historical development.

Keywords: Irkutsk sport, tennis history, lawn-tennis, Russian historiography, physical training.

Нечаев Станислав Викторович – аспирант, кафедра политологии, истории и регионоведения, исторический факультет, Иркутский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1-410 б, тел.: 8(3952)603034, e-mail: irktennis@gmail.com

Nechaev Stanislav Viktorovich – Postgraduate, the Department of Political Science, History and Regional Studies, Historical Faculty, Irkutsk State University, office 410 b, 1, K. Marx st., Irkutsk, 664003, tel.: 8(3952)603034, e-mail: irktennis@gmail.com

УДК 911.3

Теоретический потенциал современной гуманистической географии и культурный ландшафт

М. В. Рагулина

Институт географии им. В. Б. Сочавы СО РАН, г. Иркутск

Аннотация. Рассмотрен вклад современных подходов географии человека в формирование культурно-ландшафтных концепций. Показана роль гуманистических географических исследований в создании целостного видения культурного ландшафта.

Ключевые слова: культурный ландшафт, гуманистическая география, социализм, постсоветская трансформация общества.

Культурный ландшафт можно метафорически определить как единство Разума и Дома. Концепт дает возможность соединить природу и культуру в одном исследовательском фрейме. В мировой географии стали хрестоматийным трактовки культурного ландшафта как «биографии» места, «текста», «арены и сцены», социально-пространственного дискурса, скоординированного визуального комплекса, базиса социальной жизни.

Значительный массив исследований рассматривает сельские, городские, пригородные, гендерные, политизированные и классовые, виртуальные и сетевые ландшафты.

Культурный ландшафт изучается сквозь призму различных мировоззренческих парадигм – от сциентизма до постмодернизма, включая их различные сочетания. В России данный концепт активно развивается не более 25 лет, процесс формирования научных школ находится на начальном этапе. Длительные идеологические ограничения обусловили формирование лакуны и прервали традицию, идущую от российской антропогеографии. Именно поэтому опыт мировой гуманистической географии и выросшей из нее новой культурной географии может быть полезным для отечественной науки.

В географии 1930–60-х гг. территории отводилась роль арены человеческой деятельности. Пространственный анализ создавал модели распространения культурных факторов с помощью математического аппарата, формализации основных паттернов, абстрагируясь от частных, неповторимого «лица» ландшафта. Идеал позитивистской географии – исследование людей как предсказуемых объектов, в однородной среде не мог уловить ускользающий динамизм и конфликтность ландшафта.

К концу 1960-х гг. в англофонной культурной географии было создано большое количество работ, инвентаризирующих исторические и современные культурные ландшафты, выделенные по какому-либо артефакту или их сочетаниям. Противовесом узкоутилитарным подходам стало набирающее силу гуманистическое движение. Гуманистическая география вернула в научный дискурс субъекта, опыт переживания ландшафта, внесла семантическую глубину. Гуманисты сделали видимыми значения – присущие не самим объектам, а возникающие в отношениях между субъектами. Основным интерес теперь представляли не элементы материальной культуры, а повседневная жизнь че-

ловека, ценности и восприятие им своей среды. Произошел поворот от изучения частных к всестороннему исследованию целостных культурных ландшафтов. Изменение ландшафта признавалось своеобразным индикатором трансформаций его сердцевины – духовной сферы общества: «Искажая унаследованное прошлое, мы все более искажаем свое настоящее. Творение истории нам неподконтрольно, и мы формируем ландшафты и артефакты для того, чтобы приспособиться к иллюзорной истории – общественной и частной, которая отвечает нашим предпочтениям. Место прошлого в любом ландшафте – продукт интересов настоящего» [1, с. 36].

Британский географ Перис Льюис предположил, что культурный ландшафт предстает в виде серии «осадочных» социальных утверждений, где каждая культурная страта отражает конкретные идеологические источники, намерения и контексты. Поэтому продуктивно рассматривать ландшафт как палимпсест, где можно удалить часть текста и сделать надпись, перекрывающую ранее написанное, что подразумевает не только различные исторические эры, но также и нескольких действующих лиц [2].

С середины 1980-х гг. наметилось разветвление гуманистической ландшафтной традиции на два направления. Первое, связанное с работами Д. Косгроу [3], испытывает влияние сциентистской парадигмы и охватывает властные отношения, социальные процессы, способ производства и символику культурного ландшафта, в настоящее время эволюционировало в концепцию «материально-концептуального» культурного ландшафта [4]. На наш взгляд, это наиболее перспективный путь комплексного исследования культурного ландшафта. Второе направление, реализующее феноменологический подход, связано с концепцией вернакулярного (обыденного) ландшафта, который базируется на личных взаимоотношениях и отражает каждодневное бытие.

Без преувеличения, географами-гуманистами создана корневая система развития современной культурной географии. В новой культурной географии ландшафт соединен с проблемами конструкции идентичностей, «геттоизации» меньшинств, территориального выражения идеологии и политики, неравенства, способов производства. Географов интересуют символика ландшафта, идентичности, культурные формы и паттерны повседневности. В различные временные периоды культурные ценности определяют облик ландшафта.

При социализме набор ландшафтных шаблонов городской среды был ограничен и определялся с помощью планов «сверху». Идеология, контролируемая партией, во многом задавала вектор эстетике. Культурный ландшафт должен был стать средством формирования «нового человека».

Два «проекта» отражены в двух видах памяти социализма, подчеркивая тот или другой из параллельных аспектов системы. Одно, восторженное восприятие социализма как радикального гуманизма, сопровождалось другим – интерпретируемым как агрессивное и тоталитарное, сфокусированное на уничтожении классовых врагов, регламентации малейших деталей жизни. Одним из основных орудий и средств создания «нового человека» являлся культурный ландшафт [5].

Все «привилегированные» элементы культурного ландшафта должны были быть «перекодированы» в пользу «нового строителя коммунизма». Отмечается тесное переплетение двух больших «проектов»: тоталитарного, где человек – лишь винтик в огромной государственной производственной и идеологической репрессивной машине и гуманистического, который иллюстрируется популярным лозунгом: «Все для блага человека, все во имя человека!» Гуманистическое направление было тесно связано с фетишизацией «культуры» как образованности, соответствия моральным стандартам нового социалистического общества. В периферийном культурном ландшафте Сибири героика и пафос освоения сменились «доживанием» на руинах. Символы ландшафта в условиях рынка ориентированы на продаваемость

Шопинг – наиболее важный вид рекреационной активности, защита от непредсказуемой повседневности. Создавая образы и символы, частные компании пытаются перекодировать коллективную идентичность в коллективную идентичность потребителей. Приватизация публичных пространств и реклама создают новый облик ландшафта и формируют новые ценности и стандарты. В свою очередь, ведомый этими стандартами человек участвует в создании и потреблении нового ландшафта.

Консюмеристское конструирование жизненных целей и, в целом, «проекта» новой идентичности – Манхэттен, Калифорния, Кельн, Ливерпуль, Камелот – апеллирует к переносу в другое пространство (и в меньшинстве случаев пространство – время). Тенденция прозападного брендинга, общая для постсоциалистических европейских стран и России, ведет к глубинному навязчивому отрицанию себя – «здесь и сейчас». Отчуждение от

места связано с символическим обесцениванием места. Чтоб продать псевдозападные товары, произведенные в Китае, вводят западные бренды в сибирском ландшафте. Эти ярлыки остаются почти молчаливыми, бедными значениями, чувствами, образами, поскольку западная повседневность известна большинству сибиряков в основном по голливудским фильмам.

Стремление маркировать западным топонимом фирму, магазин мелкого сибирского предпринимателя выглядит гротескным: старинные деревянные или социалистические типовые жилые дома с вывесками «Калифорния» или «Манхэттен» – символ беспомощного стремления провинциала угнаться за модой.

Культурный ландшафт в любой момент времени формируется текущим состоянием технологии, он чувствителен к инновациям, повседневной истории. Жизненные условия, мириады событий и практик рутины, экстраординарные события – катаклизмы отражаются и формируют ландшафт. Внутри этого моря сложно увидеть, что ландшафт – не только поток, трансформация социальных отношений, но также стагнация, хранилище ценностей, которое можно разрушить огромной гуманитарной и экономической ценой [6].

Проблема исследования культурного ландшафта нуждается в синтезе гуманистических и социально-политических подходов. Сквозь призму культуры ее рассматривают географы-гуманисты, с позиции социальной справедливости, отношений власти и производства – сторонники политико-экономических подходов («аксиомы» Дона Митчелла). Вопрос в том, будут ли отечественные ученые иметь теоретико-методологический инструментарий, адекватный сложности пространственных процессов современного отечественного капитализма, либо сконцентрируются на привычных (за два постперестроечных десятилетия) аспектах территориального воплощения культуры. Работоспособные методики изучения культурного ландшафта должны включать оба «языка»: первый описывает опыт личности, культурные традиции, знаки и символы, фокусируется на общем мировоззрении, ценностях и социума, второй посвящен «работе» объектных и интеробъектных систем, поиску функций, анализу классовых и социальных противоречий, экономической и ресурсной базы территории [7]. Для целостного видения всей сложности постсоветского пространства необходима их интеграция.

Список литературы

1. Lewis P. Axioms for reading the landscape: some guides to the American scene / The Interpretation of Ordinary Landscape: Geographical Essays. – N. Y. : Oxford University Press, 1979. – P. 11–32.
2. Lowenthal D. Past time, present place: landscape and memory // Geographical Review. – 1975. – Vol. 65, N 1. – P. 1–36.
3. Cosgrove D. Social formation and Symbolic Landscape (2nd edition) / D. Cosgrove. – Madison : Wisconsin Univ. Press, 1998. – 289 p.
4. Sluyter A. The making of the myth in postcolonial development material-conceptual landscape transformation in sixteen century Veracruz // Annals of the Association of American Geographers. – 1999. – Vol. 89, N 3. – P. 377–401.
5. Czepczynski M. Cultural Landscapes of Post-Socialist Cities: Representation of Powers and Needs / M. Czepczynski. – GBR : Ashgate Publishing Limited. – 2008.
6. Mitchell D. New axioms for reading the landscape: paying attention to political economy and social justice / J. L. Wescoat, Jr. and D. M. Johnston (eds.) // Political Economies of Landscape Change. – 2008. – Springer. – P. 29–50.
7. Рагулина М. В. Политико-экономические подходы в исследовании культурного ландшафта [Электронный ресурс] // Наукovedenie : интернет-журн. – 2012. – № 3. – URL: <http://publ.naukovedenie.ru>.

Theoretical Potential of Modern Humanistic Geography and Cultural Landscape

M. V. Ragulina

V. B. Sochava Institute of Geography SB RAS, Irkutsk

Abstract. Contribution of modern approaches of humanistic geography to forming cultural landscape concepts is considered. The role of humanistic geography researches in framing holistic view of cultural landscape.

Keywords: cultural landscape, humanistic geography, socialism, post-soviet society transformation.

Рагулина Милана Владимировна – доктор географических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории георесурсоведения и политической географии, Институт географии им. В. Б. Соचाва СО РАН, 664033, г. Иркутск, ул. Улан-Баторская, 1, тел.: 8(3952)422700, e-mail: milanara@yandex.ru

Ragulina Milana Vladimirovna – Doctor of Sciences (Geography), Leading Research Associate, Laboratory of Geological and Resource Studies and Political Geography, V. B. Sochava Institute of Geography SB RAS, 1, Ulan-Batorskaya st., Irkutsk, 664033, tel.: 8(3952)422700, e-mail: milanara@yandex.ru